

RU

## Лингвосинергийные основания реализации творческого мышления в художественном дискурсе (на материале романов А. С. Грина)

Черкасова И. П.

**Аннотация.** Цель исследования – определить механизмы лингвосинергийных процессов, демонстрирующих уникальные характеристики мышления творческой личности, репрезентированные в языковых структурах художественного дискурса. Научная новизна состоит в уточнении специфики внутренней динамической структуры языка, параметров смыслообразования, определяющих принципы и способы коммуникативного воздействия. Выявлены синергийные основания когнитивного субстрата художественного мышления, определяющие метасмысловой универсум индивидуально-авторского мира. Полученные результаты показали, что основаниями контекстуальной лингвосинергии являются уникальные особенности творческого мышления, репрезентируемые в художественном дискурсе А. С. Грина посредством сопряжения конвергенции семантических полей (ведущих к сопряжению дискурсивных пространств), стилистической конвергенции и синкретизма в совокупности с кристаллизацией смысла, что способствует значительному приращению и/или трансформации смысла, переходящего в метасмысл. Одновременно демонстрируются не только аналитические, но и синтетические способности мышления, лежащие в основе мировоззрения человека и определяющие его гибкость и в то же время способность воздействовать на рефлексивную реальность реципиента.

EN

## Linguosynergic foundations of the realization of creative thinking in fictional discourse (based on the novels by A. S. Green)

I. P. Cherkasova

**Abstract.** The research aims to identify the mechanisms of linguistic and synergetic processes that demonstrate the unique characteristics of creative thinking, represented in the linguistic structures of fictitious discourse. The scientific novelty consists in clarifying the specifics of the internal dynamic linguistic structure, the parameters of semantic formation that determine the principles and methods of communicative influence. The synergetic foundations of the cognitive substrate of creative thinking that define the meta-semantic universe of the individual author's world are revealed. The results of the research establish that the foundations of contextual linguistic synergy are the unique features of creative thinking, represented in A. S. Green's fictional discourse through the interaction of convergence of semantic fields (leading to the conjugation of discursive spaces), stylistic convergence and syncretism in combination with the crystallization of meaning, which contributes to a significant expansion and/or transformation of meaning, turning into a meta-meaning. The results of the analysis demonstrate the analytical and synthetic thinking abilities that determine a person's worldview, the flexibility of semantic formation and the ability to influence the recipient's reflective reality.

### Введение

Полилогическое пространство современной коммуникации определяет возрастающее внимание исследователей к процессам мышления и понимания, представляющим собой важнейшие основания человеческого взаимодействия и формирующим универсум гармоничного социального бытия. Размышляя о полилогосе, В. П. Литвинов (1997, с. 11-12) справедливо называет язык плюралистическим понятием, обеспечивающим коммуникацию на разных уровнях (языки, мышления, идеологии, культурные содержания, целые культуры), и порождающим особые приемы мыследействования. Г. П. Щедровицкий (1995, с. 307-484) подчеркивает синтезирующий характер мышления, проявляющегося в языке. Справедливым также является утверждение В. П. Литвинова (2008, с. 42) о фиксации посредством мышления и языка опыта общения человека с миром, который лежит в основе проекции социального пространства будущего. В данной связи обоснованным следует

считать мнение Е. В. Савицкой (2021), рассматривающей мыслеформирующую функцию языка в качестве ведущей наряду с моделирующей, кумулятивной и коммуникативной.

Принимая во внимание широкую палитру видов мышления, актуальность исследования обусловлена уникальностью художественного осмысления мира и одновременно широким лингвопрагматическим потенциалом, базирующимся на специфике мыследеятельности творческой личности, способной к переоценке аксиологических координат и репрезентации на вербальном уровне синтеза чувственного мировосприятия, рождающего синергию и приращение смысла посредством различных техник и приемов.

В современных условиях, характеризующихся возрастающими противоречиями между фундаментальными и прагматическими ценностями, изучение языка художественной литературы, реализующей познавательную, нравственную и воспитательную функции, становится все более значимым (Об утверждении Концепции..., 2016, с. 4). В связи с тем, что язык является сложной системой, проблематика, связанная с исследованием его природы, лексического строя, лингвистической семантики и прагматики, языковых способностей человека, а также способностей к критическому мышлению, синхронических аспектов бытования языка как знаковой системы, литературы и словесного творчества народов Российской Федерации, внесена в Программу фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021-2030 годы) (Об утверждении Программы..., 2020, с. 132-135, 143-146).

Художественный дискурс открывает комплексность и многогранность природы репрезентированных в языковых формах мыслительных процессов, базирующихся не только на аналитических, но в большей мере на синтетических подходах и процедурах, представленных в текстах посредством специфического использования языковых единиц и конструкций. А. Ф. Лосев (1995, с. 301), выделяя сущностные характеристики искусства, писал, что оно усложняет, модифицирует и сгущает первично ощущаемое им бытие. В. В. Фещенко (2023) отмечает максимальную экспрессивную креативность художественного дискурса. При этом он обращает внимание также и на недостаточную его изученность (Фещенко, 2020). В. И. Карасик (2017, с. 37-46, 239-289) акцентирует внимание на значимости аксиогенных ситуаций, представленных в текстах и нуждающихся в аллегорическом и символическом моделировании. В. А. Миловидов (2016, с. 45-46) указывает на разрушение в художественном образе границ между семантическими полями, предполагающее возможность взаимодействия между ними и взаимоперехода. Базирующееся на аксиологической системе авторское семиотическое пространство лежит в основе многогранного герменевтического поля, динамичного в исторической перспективе и одновременно характеризующегося стабильностью хранения общечеловеческих ценностных доминант.

Актуальность исследования, важность и востребованность обусловлена также возрастающим научным интересом к понятию и проявлениям синергии, что подтверждается, например, ежегодным проведением в Санкт-Петербургском государственном университете международной научной конференции (2020-2025), посвященной синергии языков и культур. Особую роль синергия обретает в пространстве художественного дискурса: с одной стороны, происходит фиксация синестезийности осмысления действительности, а с другой – репрезентация и утверждение единства в многообразии и многообразия только за счет сохранения единства. Синергия индивидуально-личностного восприятия и культурно обусловленного понимания также является специфической характеристикой художественного дискурса. Именно способность языка и мышления в единстве фиксировать и творчески перерабатывать опыт взаимодействия личности с миром и представлять его в текстах позволяет человеку проектировать как духовное, так и физическое измерения будущего.

Задачи исследования: выявить семантико-стилистические основания синергии; рассмотреть приращение смысла на образно-символическом уровне; продемонстрировать специфику синергии, формируемой на основе синестезии и кристаллизации смысла.

С целью решения задач были использованы следующие методы исследования: методы теоретического анализа для систематизации фактического материала; контекстуальный анализ, способствующий выявлению связей между различными элементами текста, обеспечивающий определение параметров реализации конкретных значений в зависимости от контекста и позволяющий установить семантико-стилистические основания синергии; лингвистико-герменевтический анализ, применявшийся для интерпретации смыслообразования на основе выявленных языковых особенностей текста и открывший возможность рассмотреть приращение смысла на образно-символическом уровне; техника кристаллизации смысла позволила продемонстрировать специфику синергии, формируемой на основе синестезии и метафорического переосмысления.

В качестве материала избраны романы русского писателя Александра Грина «Золотая цепь» и «Блистающий мир».

Теоретическую базу исследования составили работы по теории дискурса, теории текста и лингвоконцептологии, посвященные проблемам структурно-семантической организации дискурсивных пространств, художественного текста и дискурса, а также специфике аксиогенных ориентиров бытия (В. З. Демьянков (2025), Ю. С. Степанов (2001), В. И. Карасик (2015; 2017), В. И. Тюпа (2025), В. А. Миловидов (2016), С. Г. Воркачев (2012)), лингвосинергии и конвергенции стилистических средств, нацеленных на выявление теоретических оснований данных явлений (Н. Ф. Алефиренко (2009), В. В. Волков (2020), И. А. Даниленко (2024), Е. А. Гончарова (2023), В. Л. Малахова (2021), С. А. Кузьменко (2006)), системно-мыследеятельностной методологии и филологической герменевтике, раскрывающим принципы мыследеятельностного подхода и уровни понимания (А. А. Потемня (1990), Г. И. Богин (2001), В. П. Литвинов (1997; 2007; 2008), Г. П. Щедровицкий (1995), С. Н. Бредихин (2015)).

Практическая значимость работы обусловлена возможностью применения ее материалов для разработки лекционных и практических курсов по общему языкознанию, когнитивной лингвистике и лингвистике текста,

лингвокультурологии, лингвоконцептологии и стилистике, лингвистическому анализу и интерпретации художественного текста.

### Обсуждение и результаты

Многообразие и сложность проблематики художественного мышления привлекает исследователей (В. В. Виноградов, И. Я. Гальперин, М. Я. Дымарский, В. И. Карасик, В. В. Катермина, Ю. А. Левицкий, Ю. М. Лотман, Т. М. Николаева, В. И. Тюпа, З. Р. Хачмафова, В. Шмид) и открывает в этой сфере широкое поле возможностей, связанных с постижением человеческого мировидения, творчества и самопознания. В. И. Тюпа (2025) называет возникновение произведения искусства событием, принадлежащим человеческой культуре, личным творческим актом, реализующим сверхличную виртуальную возможность.

Особое место в данной связи занимает языковая личность. Г. И. Богин (1984) отмечал, что, несмотря на тот факт, что человек обладает родовой способностью быть языковой личностью, ее становление представляет собой сложный процесс. Ю. Н. Караулов подчеркивал ее значение для познавательной деятельности человека, утверждая, что «за каждым текстом стоит языковая личность» (2010, с. 27), включающая инвариантные и переменные (вариативные) составляющие (2010, с. 35-42). Языковая личность писателя (поэта) вызывает особый интерес, так как она раскрывает широкие возможности языка как системы, позволяющей найти новые точки рефлексии, оригинальные перспективы и ракурсы рассмотрения предметов и явлений. Творцы создают новые альтернативные смыслы, которые, как точно отметил В. П. Литвинов (2007, с. 136-137), являются коммуникативно значимыми и производят «волнение социальности», объективирующее смысл и значимость человеческого общества.

Созданию «нового слова» способствуют, прежде всего, амбивалентность, поливалентность, контекстуальная лингвосинергия, конвергенция, синкретизм и кристаллизация, присущие художественному мышлению (Н. Ф. Алефиренко (2009), В. В. Волков (2020), И. А. Даниленко (2024), Е. А. Гончарова (2023), В. Л. Малахова (2021), Ю. Г. Косякова (2024)), позволяющие переосмыслить стереотипные представления, найти новые краски и образы для универсальных аксиологических доминант и представить их в непривычных контекстах, способствующих преобразению, трансформации и обновлению техник и приемов мыследеятельности реципиентов. Учитывая существование различных позиций и взглядов, в рамках проведенного исследования мы опираемся на определения, представленные в энциклопедии «Русский язык» (гл. ред. Ю. Н. Караулов), согласно которым конвергенция рассматривается как схождение и сближение языковых явлений (Русский язык..., 1997, с. 251), а синкретизм характеризуется как совмещение тропов в одной языковой единице (Русский язык..., 1997, с. 572-573). Синергию, вслед за исследователями, мы понимаем как сотрудничество, содействие, соучастие, а синергетичность подчеркивает эффект усиления разнородных факторов благодаря их совместнодействию «по принципу “возведения в степень”» (Волков, 2020, с. 100-101). Основой данных процессов можно считать семиотический резонанс, предполагающий, по мнению Е. Г. Логиновой (2021), согласование в рамках художественного дискурса знаков разных семиотических систем, обеспечивающих приращение смысла и усиление концептуальных связей.

Творчество А. Грина занимает особое место в отечественной литературе, так как раскрывает комплексное понятие веры в человека и гуманистические идеалы. Концепт веры базируется на синергии красоты в единстве ее проявлений в мире, получающих преломление сквозь призму человеческого восприятия. В неделимом пространстве рецепции и интерпретации, сгущения и кристаллизации смысла функционируют приемы, демонстрирующие семантико-стилистические основания синергии и приращение смысла на образно-символическом уровне, с помощью которых происходит трансформация прошлого опыта и формирование нового мировидения и мировосприятия читателя.

Так, например, *мышление* как основополагающий структурный элемент человеческого бытия в романах А. Грина «Золотая цепь» и «Блестящий мир» предстает как живой процесс, базирующийся на системе ценностей и управляющий деятельностью человека в мире, представляющем как сосуществование разных субстанций и элементов, их симбиоз, взаимодействие и взаимозависимость:

*Все мои мысли выскочили, став тем, что я видел вокруг. Я не подозревал, что линии, в соединении с цветом и светом, могут улыбаться, останавливать, задержать вздох, изменить настроение...* (Грин. Золотая цепь).

В контексте объединяются цветовое пространство, световая палитра, мыслительные операции и система пространственно-временных координат, рождая высшую степень эмоциональной наполненности и восхищения окружающим миром, демонстрирующим абсолютную неповторимую красоту. Посредством персонафикации открывается сопряженность миров – внешнего физического и скрытого внутреннего – и возможность постижения мироздания через слияние мышления с окружающим универсумом. Ю. Г. Тимралиева и Н. С. Татаринцев (2023) справедливо отмечают тот факт, что пространство наряду со временем выступает важнейшим звеном языковой картины мира и получает особую репрезентацию в художественном тексте, которая позволяет проникнуть в аксиологическую систему координат автора.

*Едва появилась связная мысль, как ее честью просила выйти другая мысль* (Грин. Золотая цепь).

Мышление характеризуется не как процесс, а как совокупность действий, существующих в природе вне зависимости от человека. В результате контекстуальной лингвосинергии перед читателем предстает взаимопроникновение областей умственной и физической активности как форма и сущность человеческого бытия.

*У моих ног я увидел разбросанные бессмысленные глаза существ с мордами, напоминающими страшные маски* (Грин. Золотая цепь).

Антитеза «я – бессмысленные глаза» формирует яркие образы мира, существующие вне его осмысления. Отсутствие разума превращает людей в существ, а лица в морды и страшные маски. Использование определения *разбросанные*, являющегося нехарактерным для описания глаз, позволяет автору показать сопряжение пространственно-временных, ментальных и интеллектуальных координат в рамках размышления о дихотомии «красота – ужас».

Герой, находясь в постоянном диалоге с миром, растворяется в нем, но не теряет себя, а, напротив, обретает целую палитру противоречивых ощущений:

*Я чувствовал, что смешон и велик, что я – герой и избавитель, кукла и жертва* (Грин. Золотая цепь).

Проявляющаяся антитеза на различных уровнях (слово, образ, понятие, идея, текст и др.) способствует выделению конкретных образов и позиций (человек – механизм, убить – спасти, создать – разрушить и др.) и одновременно консолидирует противоположности в едином пространстве бытия:

*Я... имел удовольствие выслушать ужасный диалог человека со своим подобием. «Ты спас меня!» – сказал Экус, потрясая чеком перед автоматом, и получил в ответ: «Я тебя убил»* (Грин. Золотая цепь).

Е. С. Корюкина (2014, с. 8) справедливо отмечает наличие как линейных, так и нелинейных отношений между антонимами, первые из которых рождают семантику противопоставления, а вторые – семантическое преобразование, включающее сдвиг значения, приращение смысла и/или наложение значений, лежащих в основе контекстуальной синергии. Антитеза в союзе с гиперболическим переосмыслением и повторами отражает (а в художественном проявлении усиливает) многочисленные ощущения и переживания, охватывающие людей в мгновения наивысшего духовного напряжения:

*Тут все взгляды, как показалось ей, прошли сквозь ее тело; толпа двинулась и замерла, взрыв хохота окатил девушку ознобом и жаром, но, почти плача, увлекаемая порывом, она, сжав кулачок, двигала указательным пальцем, сердито и беспомощно повторяя: – Да, да, я; я знаю, что полетит!* (Грин. Блистающий мир).

Одним из наиболее частотных средств в пространстве миротворчества А. Грина является сравнение, способствующее приобретению известными понятиями и явлениями, обладающими закрепленными традицией значениями и стереотипными характеристиками, новых неожиданных и неповторимых качеств и красок. Например:

*Задуманное и явленное, как хор, действующий согласием множества голосов, это артистическое безумие сыяло из-за черного мрамора, как утро сквозь ночь* (Грин. Золотая цепь).

М. М. Паршукова (2018, с. 150) обоснованно называет следующие функции сравнения: 1) функция создания образности; 2) оценочная; 3) экспрессивная; 4) сверхорганизующая, предполагающая возможность создавать текст. Использование в одном ряду разноплановых понятий, сравнение идей, происходящих событий и сопутствующих им звуков, результатов творчества в сопряжении с эмоциональным восприятием и времени суток и т. п., формируя контекстуальную лингвосинергию, воздействует на мышление читателя особым образом, заставляя его отказаться от клише и стереотипов мироосмысления и перейти в сферу творчества. Череда сравнений формирует незнакомый мир, наполненный новыми красками, в котором разноплановые абстракции объединяют в единой плоскости представления человека о мыслимом, вымышленном и физическом, звуковом и визуальном, временном и световом пространствах, метафорическое переосмысление которых посредством синергичного эффекта актуализирует высшую степень смысловой компрессии с целью репрезентации великолепия описываемых событий.

*Как я представил это, у меня словно выхватили из рук книгу, заставившую сердце стучать, на интереснейшем месте* (Грин. Золотая цепь).

Сравнение возможного развития событий с чтением книги открывает сопряжение двух миров как двух абсолютных реальностей, воздействующих с равной силой на мировоззрение человека. С другой стороны, в данных строках акцентируется необходимость эмоциональных ощущений и живого интереса к происходящему, духовного и душевного участия и приобщения к происходящему.

*С этим его рот захлопнулся – словно упал трап* (Грин. Золотая цепь).

Специфика творческого мышления, связывающего привычные глубоко индивидуальные образы, звуки, ощущения с новыми и незнакомыми, не только получает отражение посредством сравнения, но одновременно характеризует самого героя. А. Е. Камышова правомерно отмечает тот факт, что сравнения выступают в качестве важного элемента авторского стиля и являются уникальным «опознавательным знаком» (2006, с. 13), репрезентируя тем самым неповторимость мышления творческой личности.

*В силу того, что всякое событие подобно шару, покрытому сложным рисунком, очевидцы противоречили друг другу* (Грин. Блистающий мир).

Сравнение события с шаром позволяет посмотреть на течение времени в новом ключе. Представление последовательности действий как плоскости или сферы, замена диахронического восприятия синхроническим открывает ограниченность оценочного восприятия конкретного человека, неспособность охватить многогранность происходящего.

*Друд удержал ее. – Дурочка! – сурово сказал он. – Ты могла бы рассматривать землю, как чашечку цветка, но вместо того хочешь быть только упрямой гусеницей!* (Грин. Блистающий мир).

Сопряжение и конвергенция сравнения и антитезы формируют аллегорию человеческой неадекватности и душевной ограниченности, не позволяющей постичь подлинные ценности и истинную радость бытия.

Созданию ярких экспрессивных образов способствуют неповторимые эпитеты, умножающие рост синергического эффекта путем дополнения красок сопряженных сфер и усиливающие впечатление в системе антитезы или оксюморона для неожиданного и/или парадоксального выражения нового смысла (Карасик, 2022, с. 122):

*Правда, мелкотравчатый скептицизм образованной части населения пустил тонкое «но», в глубокомысленной бессмысленности которого уху, настроенному соответственно, слышалось множество остроумнейших изъяснений* (Грин. Блистающий мир).

Метафорическое переосмысление боли позволяет автору представить грусть в виде жалящей пчелы, соединив тем самым образ, ощущение и чувство, внешний и внутренний миры:

*Мне было шестнадцать лет, но я уже знал, как больно жалит пчела – Грусть* (Грин. Блистающий мир).

Неповторимые образы создаются за счет метафоризации, позволяющей автору творчески вербализовать свое видение абсолютной красоты благодаря уникальному сопряжению представлений о совершенстве света, глубины (моря, неба и др.), высоты и безграничной палитры возможных проявлений **великолепия** разных сторон мира и бытия:

*Он открыл дверь в глубокой каменной нише, и мы очутились среди пространств, сошедших, казалось, из стран великолепия воедино, – среди пересечения линий света и глубины, восставших из неожиданности* (Грин. Золотая цепь).

Персонификация как способ выражения определенного мировосприятия, включая мифологическое мышление (Серебрякова, 2010, с. 9), способствует кристаллизации смыслов и ранжированию всех проявлений личности, воспринимаемых как единство, и в этой иерархии высшее место занимает любовь, за которой следуют разум, речь, деятельность и все многообразные формы человеческого бытия:

*Я говорю ей, Эстамп, что, если любовь велика, все должно умолкнуть, все другие соображения* (Грин. Золотая цепь).

Персонификация музыки рождает синестезийное восприятие звука, температуры и скорости, формируя целостную систему нескольких плоскостей физического бытия, синергия которых создает новые ощущения, названные автором/героем *Замечательной Страной*:

*А музыка, касаясь души холодом и огнем, несла все это, как ветер несет корабль, в Замечательную Страну* (Грин. Золотая цепь).

Сложные метафоры А. Грина представляют интеграцию в малых контекстах разнообразных ощущений, впечатлений, переживаний и др. В результате перед мысленным взором читателя предстают картины, наполненные не только красочными пейзажами, но одновременно воспоминаниями и результатами опыта:

*Агассиц знал, что к вершине горы ведут крутые тропинки. Он постепенно накаливал душу зрителя, громя впечатление на впечатление, с расчетливым и строгим разнообразием; благодаря этому зритель должен был отдать весь скопленный жар души венчающему концу: в конце программы значился «Двойная Звезда»* (Грин. Блистающий мир).

Свет оживает в произведениях А. Грина и действует наравне с героями, разделяя день и ночь в прямом и переносном смысле во всем многообразии проявлений, сочетающем разноплановые понятия и явления:

*Свет выяснился, зажег цветы, позолотил щели занавесей и рассек сумеречную тишину роскошных зал густым блеском первого утреннего огня* (Грин. Блистающий мир).

В качестве специфической характеристики творческого мышления и стиля А. Грина следует назвать поэтичность, предполагающую высокий уровень сгущения смысла посредством использования компрессии, полифункциональной конвергенции стилистических средств и семантического синкретизма (Кузьменко, 2006; Пименова, 2024):

*Его внутреннее зрение посетило все углы мира. Он видел, как несутся по телеграфным проволокам, в почтовых пакетах, на красных языках и в серых мозгах, пучеглазые, вертлявые вести, пища от нетерпения сбить себя как можно скорее другой проволоке, другому уму, пакету и языку и как, людоеду подобно, жадно глотает их Легенда, окутанная дырявым плащом Путаницы, родной сестры всякой истории* (Грин. Блистающий мир).

Благодаря метафорическому переосмыслению автор создает неожиданный образ, способствующий значительному росту экспрессии и, как следствие, – приращению смысла. В результате в авторском мироздании кристаллизуются непривычные сложные смыслы и метасмыслы. Например, тишина обретает способность подчиниться человеку и обратить внимание окружающего мира в нужное ему направление:

*Крукс снова взял тишину за волосы, и внимание слушателей удвоилось* (Грин. Блистающий мир).

Используя символ храма, А. Грин поднимает значимость тишины на наивысший уровень, определяя умение слушать и слышать окружающий мир как наивысшую ценность личности, способной к эмпатии, сопереживанию, единению с миром. Этот священный дар характеризует причастность личности к вечности мироздания, базирующегося на любви и вере:

*Уже разошлись все, храм был полутемен и пуст... потрескивание горящего воска и тишина, еще полная теплого церковного запаха, казалось, всегда были и всегда будут здесь, маня внутренне отдохнуть* (Грин. Блистающий мир).

Автор утверждает наивысшую ценность творческой личности в ее разных ипостасях посредством синергии представлений и ассоциаций, связанных с пониманием науки и искусства:

*Творить – это, ведь, – разделять, вводя свое в массу чужой души* (Грин. Блистающий мир).

В результате комплексного использования широкой палитры языковых средств, кристаллизации и неповторимой тонкой трансформации смыслового потенциала слова под воздействием контекстуальной синергии

перед читателем предстает сложное пространство художественного мира, определяемое взаимосвязью амбивалентных единиц. В лексическом сочетании *золотая цепь* осуществляется взаимодействие и проявление понятий: золото и цепь. Золото в данной связи выступает в двух ипостасях, опирающихся на дихотомию бытия – материальное/духовное: а) богатство, притягивающее людей в силу высокой материальной ценности, открывающей возможность власти и изобилия; б) красота, совершенство, чистота, неподвластная воздействию со стороны, влиянию внешних сил. Понятие цепи также амбивалентно и включает метасмыслы: а) оковы, не позволяющие действовать согласно желаниям, ограничивающие свободу; б) духовная связь, включающая дружбу, верность, честь, любовь, уважение и др. В системе комбинаций метасмыслы рождают ситуативные контекстуальные смыслы.

Блещающий мир, понимаемый как ключевое понятие, представленное в сильной позиции текста, также амбивалентно и охватывает физический и духовный (внешний и внутренний) миры, в рамках которых блеск воспринимается различным образом. Если во внешнем мире – это драгоценности, власть, зрелище, то в духовном – возможность полета, творчества, выхода за грани бытового осмысления мира и жизни.

Таким образом, в романах А. Грина «Блещающий мир» и «Золотая цепь» происходит утверждение вневременных человеческих ценностей посредством синергии и демонстрации амбивалентности/поливалентности аксиологических доминант.

### Заключение

Герменевтическое пространство художественного дискурса открывает палитру возможностей творческого мышления, начинающуюся с процесса кристаллизации и сгущения мысли до детализации образа (смысла) и архитектоники уровней понимания, воздействующих на читателя избирательно или в их единстве.

Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам.

В качестве семантико-стилистических оснований синергии следует считать конвергенцию различных семантических полей (пересечение или вхождение одного поля в другое), их структурных элементов, а также стилистическую конвергенцию и синкретизм (прежде всего речь идет об антитезе и оксюмороны, сравнении, метафоре, символе). Экспрессивные лексические единицы и конструкции, переплетающиеся в контексте, выступают не только как приемы, но как средства соединения и взаимодействия разных областей и аспектов физического восприятия, лексико-семантических областей, дискурсивных областей, лежащих в основе кристаллизации новых смыслов. В результате происходит рождение синергии, создающей неповторимую эмоционально-экспрессивную художественную ткань текста, апеллирующую к сотворчеству читателя на базе эмоционального отражения и рефлексивной реальности реципиента.

Приращение смысла прослеживается также на образно-символическом уровне. С опорой на представленные в тексте авторские аксиологические доминанты и оценочную лексику под воздействием синергии синтезируется новая реальность мышления, в пространстве диалогического взаимодействия «текст – реципиент» рождается (трансформируется) ценностная картина мира читателя.

На основе синестезии и кристаллизации смысла происходит демонстрация специфики художественного мышления, состоящей в возможности сохранять вневременные ценности путем их постоянного возрождения в новых творческих трансформациях, а также обнаруживать и констатировать не только аналитические, но синтетические и синергетические способности мышления, лежащие в основе мировидения человека, открывающие ценность творческой мыследеятельности для генерирования уникальных граней многообразного мира и значимость как средства сохранения логоса и полилогоса в их неразрывном единстве.

К перспективам дальнейших исследований можно отнести уточнение специфики синергии на примере иных текстов отечественных и зарубежных авторов, а также детализацию ее лингвопрагматического и метасмыслового потенциала в рамках художественного и иных типов дискурса.

### Материалы исследования | Research materials

1. Грин А. Блещающий мир. <https://www.litres.ru/book/aleksandr-grin/blistauschiy-mir-172479/chitat-onlayn/>
2. Грин А. Золотая цепь. <https://www.litres.ru/book/aleksandr-grin/zolotaya-cep-174570/chitat-onlayn/>
3. Об утверждении Концепции преподавания русского языка и литературы в Российской Федерации: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 9 апреля 2016 г. №637-р. [https://kanliceum1.gosuslugi.ru/netcat\\_files/30/50/Kontseptsiya\\_Russkiy\\_yazyk.pdf](https://kanliceum1.gosuslugi.ru/netcat_files/30/50/Kontseptsiya_Russkiy_yazyk.pdf)
4. Об утверждении Программы фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 годы): Распоряжение Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. №3684-р (ред. от 25 декабря 2025 г.). [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_373604/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_373604/)

### Источники | References

1. Алефиренко Н. Ф. Понятие синергетического пространства лингвокультуры // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2009. № 3.
2. Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дисс. ... д. филол. н. Л., 1984.

3. Богин Г. И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. Тверь: Психология и Бизнес, 2001.
4. Бредихин С. Н. Общие принципы текстопостроения как объекта распределения смысла // Когнитивные исследования языка. 2015. № 20.
5. Волков В. В. Синергия и синергетичность в системе атрибутов художественного текста // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2020. № 1 (64).
6. Воркачев С. Г. *Anglica selecta*: избранные работы по лингвоконцептологии: монография. Волгоград: Парадигма, 2012.
7. Гончарова Е. А. Стиль как реляционная поливалентная категория // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2023. Т. 22. № 4. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.14>
8. Даниленко И. А. Синергия когнитивных текстовых конструктов // *Russian Linguistic Bulletin*. 2024. № 5 (53). <https://doi.org/10.60797/RULB.2024.53.28>
9. Демьянков В. З. Дискурс как мостик между языком и видением мира // Когнитивные исследования языка. 2025. № 3-1 (64).
10. Камышова А. Е. Сравнение и его функции в структуре прозаического текста: на материале прозы В. Брюсова: автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 2006.
11. Карасик В. И. Оксюморон в языковом сознании и коммуникативной практике // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Т. 8. № 1. <https://doi.org/10.18255/2412-6519-2022-1-114-123>
12. Карасик В. И. Языковая пластика общения: монография. Волгоград: Парадигма, 2017.
13. Карасик В. И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы: монография. Волгоград: Парадигма, 2015.
14. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Лучшие компьютерные игры, 2010.
15. Корюкина Е. С. Риторические возможности антонимов в современном русском языке: проблема системного описания: автореф. дисс. ... к. филол. н. Н. Новгород, 2014.
16. Косякова Ю. Г. Амбивалентность как одна из категорий семантики эмотивных фразеологических единиц // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2024. № 3 (44). <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2024-44-119-122>
17. Кузьменко С. А. Лингвопрагматические свойства конвергенции стилистических средств: автореф. дисс. ... к. филол. н. Ставрополь, 2006.
18. Литвинов В. П. Гуманитарная философия Г. П. Щедровицкого. М.: АКО-принт, 2008.
19. Литвинов В. П. Полилогос: проблемное поле Опыт первый. Опыт второй. Тольятти: Международная академия бизнеса и банковского дела, 1997.
20. Литвинов В. П. Работа логоса. Пятигорск: Пятигорская государственная фармацевтическая академия, 2007.
21. Логинова Е. Г. Семиотический резонанс в естественной коммуникации и художественном дискурсе: монография. Рязань: Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина, 2021.
22. Лосев А. Ф. Форма. Стиль. Выражение. М.: Мысль, 1995.
23. Малахова В. Л. Динамико-системные принципы синергетики в функциональной лингвистике // Филологические науки в Московском государственном институте международных отношений. 2021. Т. 7. № 3. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-3-24-33>
24. Миловидов В. А. Семиотика литературно-художественного дискурса: монография. М.: Буки Веди, 2016.
25. Паршукова М. М. Типы и функции сравнений в русском и английском языках // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. 2018. № 6 (416). Вып. 113. <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2018-10621>
26. Пименова М. Вас. Семантический синкретизм как регулятор динамической устойчивости лексической системы языка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2024. Т. 23. № 6.
27. Потебня А. А. Теоретическая поэтика. М.: Высшая школа, 1990.
28. Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Большая Российская энциклопедия: Дрофа, 1997.
29. Савицкая Е. В. Когнитивный субстрат семантической системы английского языка и английского языкового мышления: монография. Самара: Самарский государственный социально-педагогический университет, 2021.
30. Серебрякова Е. В. Персонализация как приём иносказания: на материале немецкоязычного художественного текста: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2010.
31. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2001.
32. Тимралиева Ю. Г., Татаринцев Н. С. Презентация пространства в рассказах ужасов Э. А. По // ДИСКУРС. 2023. Т. 9. № 2. <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-2-125-136>
33. Тюпа В. И. Творчество как явление культуры // Новый филологический вестник. 2025. № 3 (70).
34. Фещенко В. В. К сердцу языка – через дискурс: о способах трансфера неологизмов // Известия Восточного института. 2023. № 1. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/106-114>
35. Фещенко В. В. Лингвоэстетический поворот в теории языка и художественном языковом эксперименте: автореферат дисс. ... д. филол. н. М., 2020.
36. Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М.: Школа культурной политики, 1995.

### Информация об авторах | Author information

RU

**Черкасова Инна Петровна<sup>1</sup>**, д. филол. н., проф.

<sup>1</sup> Московский государственный университет технологий и управления имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет)

EN

**Inna Petrovna Cherkasova<sup>1</sup>**, Dr

<sup>1</sup> K. G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (The First Cossack University)

<sup>1</sup> [inna\\_cherkasova2026@mail.ru](mailto:inna_cherkasova2026@mail.ru)

### Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 11.04.2026; опубликовано online (published online): 29.04.2026.

**Ключевые слова (keywords):** художественный дискурс; творческое мышление; контекстуальная лингвосинергия; кристаллизация смысла; А. С. Грин; fictional discourse; creative thinking; contextual linguosynergy; crystallization of meaning; A. S. Green.